

УДК 811.161

Синтагматическая креативность как способ речевой актуализации высказывания

Чернобривец С.Г.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В статье рассматриваются типы окказиональных сочетаний слов, выражающих авторскую оценку.

Ключевые слова: *текстовые категории, оценка, речевая реализация, семантическое согласование, окказиональные сочетания.*

При создании художественного произведения автор использует текстовые категории, одной из которых является оценка [3, с. 92]. Эта категория, как и категории участников коммуникативного акта, участников событий, само событие, ситуация, художественное пространство, художественное время, место объектов, способствует организации текста, его единству, а также воздействует на адресата-читателя.

Целью статьи является рассмотрение категории оценки как реакции адресанта (говорящего, автора текста) на описываемые им события / явления. «Оценка – это непосредственная или опосредованная реакция говорящего (субъекта) на наблюдаемые, воображаемые, воспринимаемые органами его чувств действия, признаки, признаки признаков реальных объектов, объектов внутреннего и внешнего мира говорящего» [3, с. 267]. Данная категория формируется на фоне нейтральных единиц и может быть создана при помощи ряда способов выражения, поскольку русская грамматика, являясь, с одной стороны, строго организованной системой, обладает в то же время и очень большими выразительными возможностями. Автор (говорящий) в связи с потребностями коммуникативной установки, намеренно нарушая предписанные грамматикой нормы, актуализирует грамматические или лексико-грамматические значения. Наиболее благоприятны для лингвистического экспериментирования лексика и морфология [4, с. 8]. Однако и на уровне синтагматики также нередко намеренно волей автора художественного произведения нарушается нормативная связь с целью эмоционально-экспрессивного и информативного насыщения высказывания. В этом плане представляет интерес рассмотреть индивидуально-авторскую оценку явлений действительности в идиостиле М. Булгакова. Типы окказиональных сочетаний слов, выражающих авторскую оценку, в произведениях этого писателя не подвергались специальному изучению, что обуславливает *актуальность статьи.*

Окказиональные сочетания обладают набором специфических свойств, которые отличают такие соединения от узуальных. Принадлежность к речи – важный признак индивидуально-авторских сочетаний, в которых актуализируются необходимые именно в данной речевой ситуации синтаксические связи и выражаемые ими (связями) смысловые

отношения. Отсюда – творимость окказиональных сочетаний, причём комбинация составляющих окказиональную единицу нетрадиционна, свободна от заданных системой языка условий, что наделяет окказиональное соединение таким свойством, как ненормативность. Эта ненормативность – неправильность мотивированная, являющаяся признаком индивидуально-авторского стиля, а потому функционально ограниченная именно этой индивидуально-авторской системой. Индивидуально-авторские сочетания всегда экспрессивны, оценочны, и номинативно факультативны, поскольку создаются «к случаю», «связаны с определённым случаем (ситуацией)» порождения окказионализма [6, с. 119].

В основе сочетаний слов лежат модели (структурные схемы), абстрактное значение которых осознаётся носителями языка. В художественных текстах М. Булгакова присутствуют такие речевые факты, когда для достижения экспрессии и расширения смысла автор опирается прежде всего на значение грамматической модели, по которой построено словосочетание. Например: *Вообще он напоминал ангела в лакированных сапогах* [1, с. 393]. Окказиональное сочетание *ангел в сапогах* построено по модели «существительное + существительное в Пр. п. с предлогом *в*» и служит для обозначения предмета, который облакает кого- или что-либо во что-либо. Ср. нормативное *руки в перчатках, девушка в косынке*. В приведённом предложении слово *ангел* характеризует внешний вид человека, а не его внутреннюю сущность. В результате сочетания слова *ангел* и словоформы *в сапогах* создаётся контраст, репрезентирующий отрицательную характеристику персонажа. Вот ещё пример с намеренным нарушением лексической сочетаемости: *<...> мертвенно-бледный клоун Бом говорил распухшему в клетчатой водянке Биму* [1, с. 390]. Как известно, водянка – болезнь, характеризующаяся скоплением жидкости в тканях и полостях тела, а в приведённом предложении так назван костюм клоуна. По-видимому, из-за бесформенности одежды и её раздутости создалось впечатление, что человек распух, как от водянки. Экспрессивность окказионализма *клетчатая водянка* достигнута за счёт намеренного нарушения лексической сочетаемости, так как болезнь может характеризоваться с точки зрения либо продолжительности (быстротечная/затяжная), либо изученности (известная/неизвестная). Следовательно, употребление прилагательного-определения *клетчатая* для характеристики болезни в норме неприемлемо. По воле автора художественного произведения такое соединение стало возможным, в результате чего произошла метафоризация (костюм-водянка) образа. Структурных нарушений в анализируемом сочетании нет, оно грамматически верно, но семантически случайно, несистемно и поэтому экспрессивно.

Очень выразительны и семантически насыщены окказиональные соединения в следующих предложениях: *Я <...> научился питаться мелкокаратной разноцветной кашей* [1, с. 534]; *<...> и тараканы куда-то провалились, показав своё злостное отношение к военному периоду коммунизма* [1, с. 386]. В первом примере прилагательное *мелкокаратный* в узусе сочетается со словами, имеющими отношение к драгоценным камням. Соединив определение *мелкокаратный* и существительное *каша*, М. Булгаков подчеркивает, что крупа очень мелкая и ценность её как продукта питания низка. Во втором случае окказиональное словосочетание *злостное отношение* реализует значение «сознательно недоброжелательное» и таким способом отражает отношение и самого М. Булгакова к периоду военного коммунизма – экономической политике государства в период разрухи.

Приведём ещё примеры контекстных окказионализмов, в которых также намеренно нарушена лексическая сочетаемость: *Лицо будто бы у доктора было совершенно зелёное и всё, ну всё <...> вдребезги ищарапанное* [1, с. 504]. Экспрессивность в при-

ведённом случае достигнута за счёт того, что наречие *вдребезги*, в узусе обозначая «на мелкие кусочки, на части» (например, разбить стакан *вдребезги*), в анализируемом предложении «незаконно» соединилось по воле автора художественного повествования со словоформой *исцарапанное*, актуализируя сему «совсем, окончательно» и тем самым иронично подчёркивая степень изуродованности лица персонажа. В предложении *Цепи ржаво драли уши, и вертелись в воздухе на крюках громаднейшие клубы прессованного сена, которое матросы грузили в трюм* [1, с. 597] окказиональное сочетание *клубы сена* несистемно, так как слово *клубы* сочетается в норме со словами *дым, пар, пыль* (клубы дыма, клубы пара, клубы пыли), то есть с чем-то однородным, обозначая шарообразную летучую дымчатую массу. Однако тюки сена в воздухе по форме ассоциировались у М.Булгакова с клубами дыма или пыли, на основе чего и появился необычный выразительный образ. Вот ещё очень показательный пример окказиональной лексической сочетаемости: *Партийная программа валилась из него крупными кусками, как из человека, который глотал её долгое время, но совершенно не прожёвывал* [2, с. 544].

Для идиостиля М. Булгакова характерно соединение в одном окказиональном сочетании слов с противоположными значениями -оксюморон. Например: *Со стороны эфиопов доносилось громкое молчание* [1, с. 452]; *Подхватил старика под руку. Загудел шёпотом* (1, с. 458).

Лексическая окказиональность также ярко выражается с помощью метонимии. Например: *При этом на румяных от мороза щеках доктора <...> было столь же растерянное выражение, как и у Филиппа Филипповича, сидящего рядом* [1, с. 500]. Какое-либо выражение можно увидеть на лице в целом. Авторский метонимический перенос *лицо* (как целое) – *щёки* (как часть от целого) обеспечил необычность, яркую индивидуальность сочетания.

Обоснованное нарушение лексической сочетаемости с целью создания экспрессии и ряда смысловых приращений обнаруживается и на уровне однородных компонентов. Например: *<...> под стареньким куполом веяли трапеции и паутина* [1, с. 410]; *Он редактор был чистой крови и Божьей милостью <...>* [1, с. 541]; *<...> Вася физиономией проехался по земле, ободрав как первую, так и вторую* [2, с. 484]; *<...> из кармана Зоба выскочило шесть двугривенных, изо рта два коренных зуба, из глаз искры, а из носа тёмная кровь* [2, с. 484].

Среди окказиональных сочетаний, встретившихся в текстах М. Булгакова, очень выразительны те, которые мотивированы устойчивыми сочетаниями. К таким, например, относятся синтагматические окказионализмы в следующих предложениях: *Не получая огненного пайка и работая до потери задних ног, означенные эфиопы находились в состоянии томном* [1, с. 433]; *<...> дядя Лысый Пимен <...> теперь открыл на Тверской кафе на русскую ногу с немецкими затеями* [1, с. 447]. В этих примерах окказиональные фразеологические единицы *до потери задних ног, на русскую ногу* по сравнению с каноническими «до потери сознания» и «на широкую ногу» характеризуются максимальной эмоционально-экспрессивной насыщенностью. Фразеологизм «до потери сознания» имеет значение «до крайней степени, до предела» [5, с. 348], а «без задних ног» – «не в состоянии двигаться от усталости, переутомления и т.п.» [5, с. 286]. Таким образом, контаминация устойчивых единиц в первом случае произведена М. Булгаковым на основании его субъективных ассоциаций для актуализации семы усталости, изнеможения. Окказиональное сочетание «на русскую ногу» также образовалось путём объединения фразеологизмов

«русская душа» и «на широкую ногу», в результате чего окказионализм «на русскую ногу» приобрёл значение «роскошно, не стесняясь в средствах». В этом предложении создана и коннотация иронии, так как кафе открыто хоть и «на широкую ногу», но «с немецкими затеями». Таким способом М. Булгаков кратко и иронично выразил своё авторское отношение к описываемому факту.

Окказиональная лексическая сочетаемость в произведениях М. Булгакова часто выражается при помощи сравнений. Например: *Гробовое молчание застыло в приёмной, как желе* [1, с. 511]; *Преступление застыло и упало, как камень, как это обычно и бывает* [1, с. 511]; *Находил его [пропитание] на самых фантастических и скоротечных, как чахотка, должностях* [1, с. 437]; *Известие о чудодейственном открытии прыгало, как подстреленная птица <...>* [1, с. 399]. В этих примерах в воображении читателя намеренно вызывается конкретно-вещественный образ того, о чём пишет М. Булгаков, а текст при этом экспрессивно насыщается.

Грамматическая окказиональность в наших примерах проявилась в соединении относительного прилагательного с наречиями меры и степени для выражения степени качества, что противоречит законам языка: способность сочетаться с наречиями меры и степени – грамматическое свойство качественных прилагательных. Например: *Железнодорожник Валентин Григорьевич Бутон <...> человек упорно и настойчиво холостой* [2, с. 541]; *Висел совершенно молочный туман, у каждой двери стоял проводник с фонарём <...>* [2, с. 566]. Таким способом актуализирован признак относительного прилагательного.

В следующем контексте М. Булгаков также оправданно нарушает синтаксическую связь: *Вытащив деда во двор, урезал Игнат его по затылку чем-то тяжёлым, чтобы доказать, какой дед элемент. Неизвестно, чем доказал Игнат деду. По мнению последнего <...> это была резина* [2, с. 545]. Глагол «доказать» обычно обладает двойной валентностью – кому, что. В приведённом примере возникает и третья, отсутствующая в норме связь – чем, то есть каким предметом. Вот ещё пример с таким же нарушением: *По какому же поводу у вас с супругой дискуссия вышла? На какую вы тему её били?* [2, с. 561]. Глагол *бить* в узусе предполагает следующую сочетаемость: кого (человека), чем (рукой), как (сильно), за что (за проступок). В представленном контексте сформирована окказиональная связь *бить на тему*.

В текстах М. Булгакова обнаружена очень выразительная стилистическая окказиональность, проявляющаяся в том, что лексически сочетающиеся слова не соответствуют друг другу в стилистическом плане, хотя и построены по традиционной грамматической модели. Например: *Аврора [заря] разлеглась на полнеба; Нельзя же в течение двух лет без отдыха созерцать секретарский лик!* [1, с. 601] <...> *Шарик благоговейно пожаловал, вертя хвостом* [1, с. 510]; <...> *вернувшись к себе на Пречистенку, зоолог получил <...> словесное заявление Марьи Степановны, что она замучилась* [1, с. 411]; *Дед приткнулся в уголочке <...> и приготовился к восприятю смычки* [2, с. 543]. В этих примерах мастер художественного слова, намеренно заменяя в словосочетании один из компонентов на его стилистический синоним и разрушая стилистическое единство, создаёт коннотацию экспрессивности.

Намеренное нарушение узуальной сочетаемости слов становится ещё более выразительным, если окказиональная стилистическая сочетаемость соединяется с необычной лексической семантикой. Например: *В прекрасный жаркий день, когда Кири по обыкновению лежал негодный к употреблению в своём вигваме, к начальнику Рики-Тики явился некий эфиоп* [2, с. 415]; *В момент его появления Рики пил огненную*

воду *под аккомпанемент хрустящего жареного поросёнка* [2, с. 415]. Как видно из приведённых примеров, намеренное нарушение стилистического единства и визуальной семантики даёт возможность достичь особой экспрессии.

Вывод. Окказиональное сочетание слов – это речевая реализация возможностей языковой системы вопреки существующей традиции и норме. Синтагматические окказионализмы возникают в результате намеренного переустройства синтаксических связей или нестандартного сочетания лексем. В результате семантических сдвигов в авторском контексте появляются общие семы у окказионально сочетающихся слов. М. Булгаков прибегает к индивидуально-авторским образованиям, чтобы точно и кратко выразить собственное отношение к предмету речи, дать ему свою оценку, выдвинуть на первый план единственно нужные оттенки семантического или семантико-стилистического характера. Творческая, креативная речь разрушает автоматизм восприятия языкового факта, заставляет адресанта приглядеться к оригинальному выражению авторского восприятия мира и к самому автору художественного произведения как личности неординарной.

Список литературы

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Рассказы / М.А. Булгаков. – М. : ЭКСМО, 2003. – 680 с.
2. Булгаков М.А. Собр. Соч. в 4 т. / М.А. Булгаков. – М. : Художественная литература, 1992. – Т. 2. – 751 с.
3. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А.Ф. Папина. – Москва : УРСС, 2002. – 368 с.
4. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики: Монография / Е.Н. Ремчукова. – М., Изд-во РУДН, 2005. – 329 с.
5. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.
6. Цыганенко Г.П. Русский язык. Морфемика. Словообразование. Этимология / Г.П. Цыганенко. – Донецк: КИТИС, 1999. – 316 с.

Чернобривец С. Г. Синтагматична креативність як спосіб мовної актуалізації висловлювання // Ученіє запискі Тавричеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т.25 (64). – № 1. Частина 2. – С. 194-198.

В статті розглядаються типи окказіональних словосполучень, які виражають авторську оцінку.

Ключові слова: *текстові категорії, оцінка, речова реалізація, семантичне узгодження, окказіональні словосполучення.*

Chernobrivets S.G. Syntagmatic creativity as method of language realizations of statement // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications». – 2012. – V.25 (64). – № 1. Part 2. – P. 194-198.

The article considers types of occasional word combinations expressing an author's assessment.

Key words: *text categories, estimation, speech realization, the semantic coordination, occasional combinations.*

Поступила в редакцію 06.04.2012 г.